

КАК Я НЕ УВИДЕЛ ДЕДА МОРОЗА

Андрей Бильжо

Заметки авиапассажира

Рейс No.

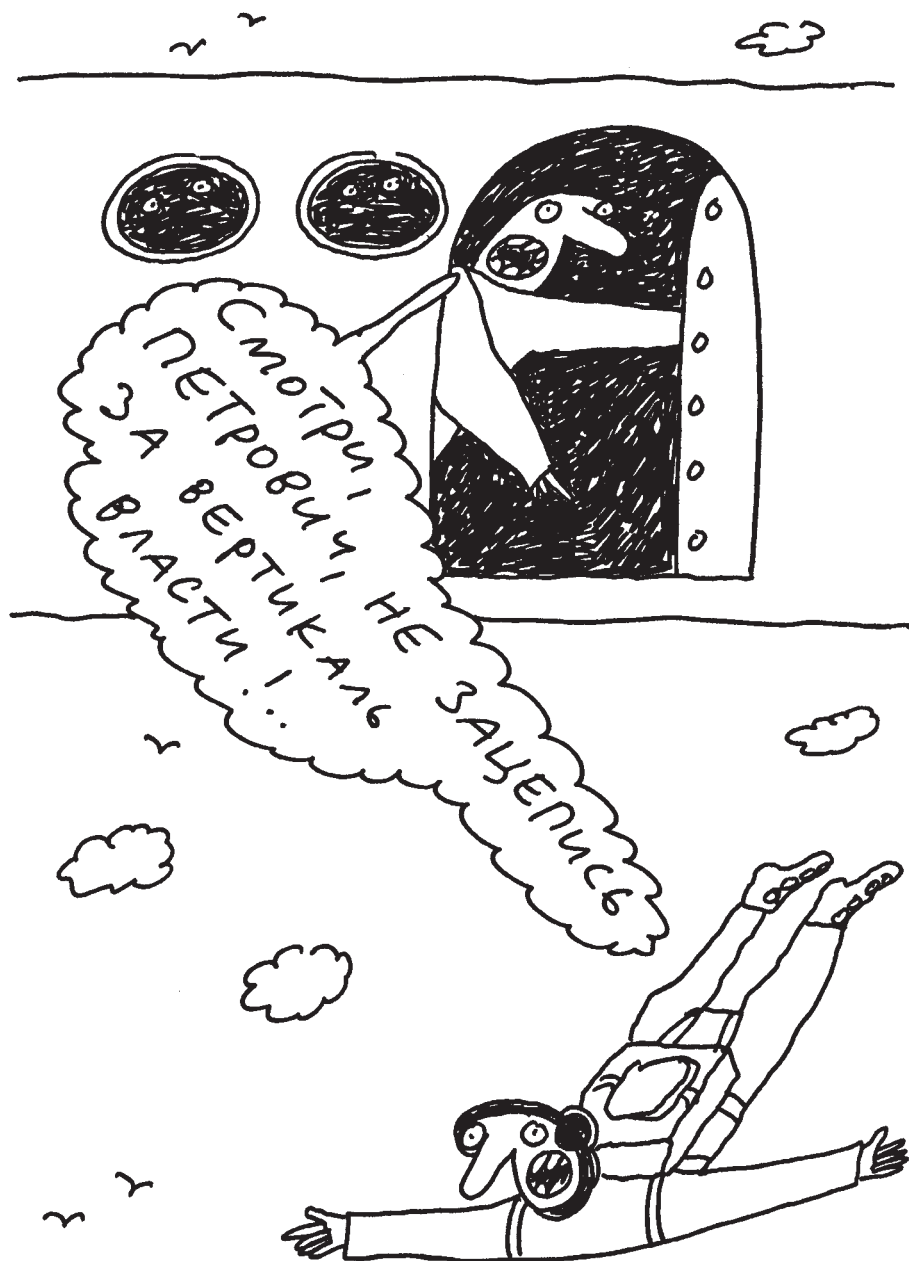
02

Мой друг

уже не из школьного прошлого, а из сегодняшнего настоящего, тоже Вова, но Громовольский, — человек очень увлекающийся. Однажды увлекся вождением самолета. Надо сказать, что до этого Вова во времена застоя от нечего делать учил японский язык и достиг в этом довольно больших, но в то время ненужных успехов. Учился Вова тогда, между прочим, в Физтехе. Эти штрихи к его портрету подчеркивают безусловную Вовину целеустремленность. И я даже сказал бы упертость — в хорошем смысле этого слова. Вова, если не во всем, то во многом, пытался дойти и доходил до самой сути. Вождение самолетов, конечно, не стало исключением. Обычно Вова рассказывал красиво и романтично о том, какие бывают облака и как они называются. А потом как-то он позвонил мне и спросил, был ли я когда-нибудь в Великом Устюге.

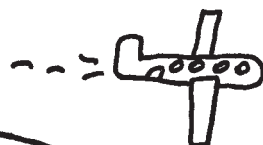
Я сказал, что нет и что давно хочу там побывать. “Ну вот и отлично, — обрадовался Вова. — Первого мая полетишь туда со мной?”

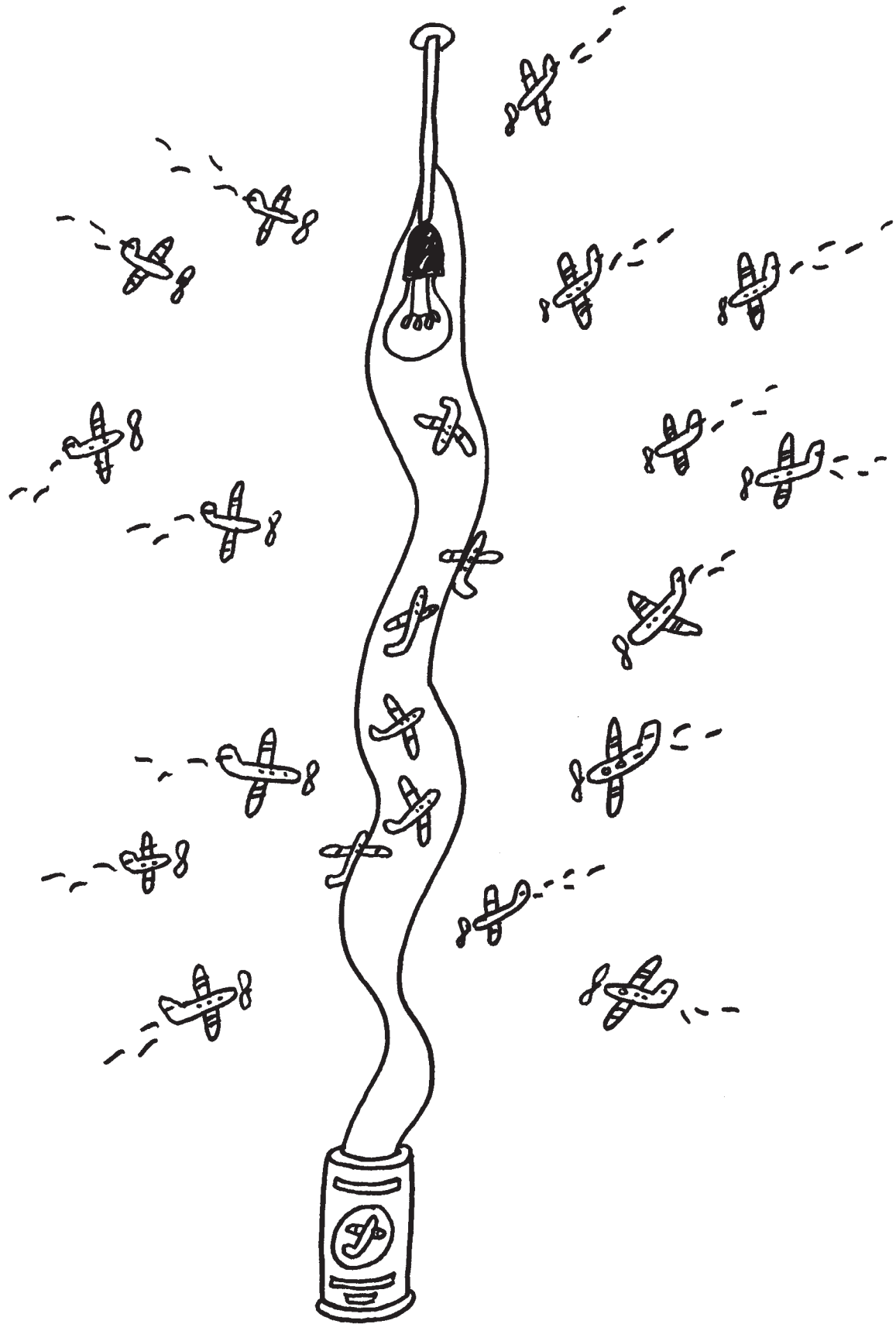
Драматург, режиссер и телеведущая Дуня Смирнова обладает способностью четко и лаконично формулировать свои мысли, которые, в свою очередь, являются результатом довольно тонких наблюдений. Как-то Дуня заметила: “У Бильжо низкий порог отказа...” Сказала как отрезала.

Почему я, будучи психиатром и зная про себя много, не мог понять такой простой вещи, от которой не раз страдал и оказывался в идиотских ситуациях?! Вот и сейчас я не смог отказать Воле и согласился с ним лететь. В глубине души, конечно, надеясь, что полет не состоится.

Утром 1 мая 2002 года я прибыл в аэропорт “Мячково”. Все участники экспедиции находились в приподнятом настроении с элементами эйфории, явно произрастающей из чувства страха. Вова был серьезен. Ведь он будет за штурвалом. Слава богу, с инструктором. Мы несколько часов томились в ожидании разрешения на вылет. И когда я уже надеялся на то, что мы не полетим, и тайно радовался этому, — разрешение дали.

“Сань, давай с нами. Ты в Великом Устюге был?” — это наш инструктор спрашивает другого летчика. “Нет, — отвечает Саня в тренировочных штанах и домашних тапочках без задников. — Да у меня и вещей с собой никаких нет, и вечером в гости надо идти с женой”. — “Да ладно... Щетку зубную там купишь. Полетели”. Саня набирает по мобильному номер: “Тань,

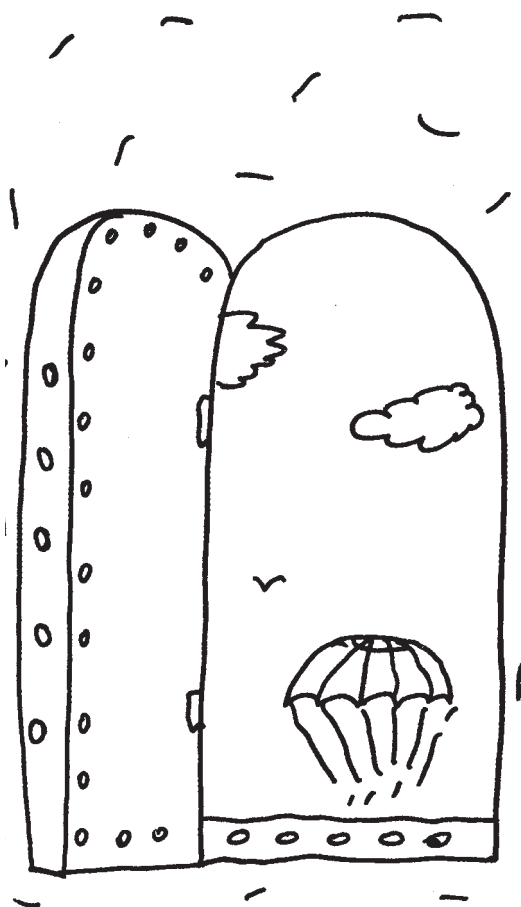

тут такие дела, короче, я должен лететь в Великий Устюг. В гости одна сходи. Буду дня через два-три. Ну, давай, целую". — "Сергея, а ты? Бери Зинку". (Зинка — жена Сереги, стоит тут же, рядом.) Серега — бортмеханик. "Полетели!" — "А че? Полетели".

Эти трое приняли решение лететь в другой город за считанные минуты.

Настоящий летчик должен быстро принимать решение. Три человека вообще без багажа и в домашних тапочках влезли в самолет. Мы загрузили свои вещи. Взяли много вина, чтобы было весело лететь и что пить в Великом Устюге. Не водку же?!

А в самолете выпили. И не раз. Потом бортмеханик говорит: "Я забыл вас на земле предупредить, что в самолете нет уборной". А мы уже в воздухе, и высоко. Короче говоря, писали в бутылочку из-под

только что выпитого вина. Таким образом и определяли, как работают у нас почки. Писать в бутылочку было нелегко. А что делать?

“Андрюха, хочешь порулить?” — вдруг неожиданно спрашивает меня Вова. И я сел за штурвал самолета.

Конечно, все делал инструктор, а я только подчинялся ему и не сопротивлялся. Главное, не сопротивляться. Никакой инициативы. Я сидел в наушниках и слышал все переговоры. Может быть, тогда, ненадолго, я захотел быть летчиком. Ненадолго. Я отлично понимал, что это занятие не для меня. Надо же реально оценивать свои возможности. Вот смог бы я, например, без вещей и в домашних, без задников, тапочках улететь в другой город, буквально на Север? Нет, не смог бы. Вот об этом-то и речь.

Я очень недолго хотел быть хирургом, потом понял — не мое, потому что и в хирургии надо быстро принимать решение. А я бы долго взвешивал все “за” и “против”. Резать или не резать? Мучился бы до тех пор, пока резать было бы уже поздно. “Семь раз отмерь, один — отрежь” — это про меня, но не про хирурга. В общем, налюбовавшись облаками, я передал штурвал Вова, и вскоре он аккуратненько посадил самолет в аэропорту города Великий Устюг.

Великий Устюг — родина Деда Мороза. Этот пиаровский бред — на каждом доме, или такое ощущение, что на каждом. Теперь кому ни скажешь, что был в Великом Устюге, все сразу: “На родине Деда Мороза?”

Добились своего!

А что это старинный город с десятками церквей, с единственным уцелевшим резным иконостасом Троицкого собора Троице-Гледенского монастыря; с широкой, могучей уже Северной Двиной, образующейся здесь же от слияния рек Юг (устье Юга — Устюг) и Сухона, вроде как и не важно.

Город этот с историей большой (и Хабаров отсюда, и Дежнев отсюда), и красивый, и сохранился хорошо, так как далеко от железных дорог.

“Вот родина Деда Мороза — это да! Это интересно! Это стоит посмотреть”.

А вот водка “От Деда Мороза” — это сувенир.

“Вотчина Деда Мороза — это мощно!” А мы туда не поехали. Нам сразу предложили начать знакомство с этой “вотчины”. Но мы отказались, и на нас как на дураков посмотрели: мол, а зачем тогда приехали?

Устюжане — народ предельно добрый, я бы даже сказал — наивный. Диалект ярко выраженный, певучий такой, что заслушаешься.

В ресторан — заказывать банкет — отправили меня. Как в некотором роде знатока северной кухни. А в ресторане в меню какая-то ерунда — якобы европейская кухня. Я стал спрашивать, а где же шаньги, морошка, латка, грузди, наконец? “Дык, нет ничего. Повар-то, дык, отдыхает. Дома, дык. Дома, дык, все это есть. А в ресторане, дык, нетути”. Я стал говорить, что мы из Москвы прилетели специально, чтобы кухни северной попробовать. В общем, запел. Наконец получил ответ: “Дык, мы попробуем, приходите”.

Вечером стол ломился: грузди, большие, голубоватые на разрезе; шанежки с картошкой-да, брусникой-да, черникой-да. “Дык, из дома принесли все. Дома-да сготовили, дык, и принесли”. Да тут уж и водочка пошла — куда без нее? Не закусывать же все эти яства вином французским? Представляете, на столе грузди, а вы вино французское пьете? Глупо, дык.

Улицы в Великом Устюге широкие, как проспекты. Народу мало, все уехали на другой берег Северной Двины, где у устюжан дачи. Нам захотелось прокатиться по Двине на пароходе. Мы пошли вдоль берега и увидели маленький пароходик, что большая редкость, так как судоремонтный завод был уничтожен, ровно как и флот. А ведь ходили по северным рекам суда, и сколько! Это же был единственный вид транспорта. Вообще грустная эта тема. Ну ее, эту тему, в баню!

Видим девушку, стоящую у пароходика. “А где капитан?” — спрашиваем. “Дык, в бане парится... А че надоте?” — “На пароходе хотим покататься”. — “Дык, покатаем...”

Минут через десять в пижаме и тапочках вышел раскрасневшийся капитан. И, не заходя домой, поднялся на пароход, пришвартованный тут же, и мы отправились в путешествие по Двине. Через два часа, насладившись красотой, мы с трудом всучили ему двести рублей, так как он долго отказывался от денег: “Дык, не надоть”.

А еще в Устюге мной было обнаружено издательство "Советская мысль". И я тогда подумал: "Вот она куда спряталась, советская мысль, оказывается. Ушла в подполье, дык".

По всему Великому Устюгу стояли большие почтовые ящики для писем Деду Морозу. И я вспомнил по этому поводу анекдот, который всегда очень любил и люблю. Вот он. "Мальчик пишет письмо Деду Морозу: «Дорогой Дед Мороз! Папы у меня нет, мама — учительница, зарплату не получала восемь месяцев. Мы живем плохо. У меня нет ни шапочки, ни варежек, ни валенок, и я не могу гулять. Пришли мне, пожалуйста, Дед Мороз, шапочку, валенки и варежки». Письмо вскрыли в почтовом отделении работники почты. Прочли, прослезились. Сами не получали зарплату уж восемь месяцев. Собрали денег, сколько есть. Купили мальчику шапочку, валенки, а на варежки денег не хватило. Отправили посылку от Деда Мороза. Мальчик получил посылку и пишет Деду Морозу ответ: «Спасибо тебе большое, Дедушка Мороз! Получил я от тебя шапочку и валенки, а варежки, наверное, украли работники почты»..."

